

РЕЧЬ товарища М. А. ШОЛОХОВА

(Писатель, ростовская партийная организация)

Дорогие товарищи делегаты! Мне думается, я выражу общее мнение, если скажу, что в эти знаменательные дни съезда, когда мы принимаем новую Программу нашей ленинской партии, сама жизнь наша, жизнь всего советского народа стала исполненной как бы особого и нового звучания. Будто бы свежий бодрящий ветер пахнул нам в лицо, открыл перед взором далекие синие дали, зовущие к себе дали, и легко, и глубоко всей грудью дышится, и ясно видны контуры того желанного будущего, к которому мы, безусловно, придем через двадцать лет. (Бурные аплодисменты).

Уж больно величественна и благородна Программа, всем своим содержанием и существом направленная на счастье и радость трудового человечества!

Как же тут не сказать идущее от всего сердца спасибо тем, кто работал над созданием этой Программы, тем, кто мечты и долгие чаяния народа воплотил в четко поставленную задачу, по-ленински провидя наше близкое и далекое, но такое заветное будущее! И прежде всего как не сказать такое спасибо главному творцу Программы — нашему Никите Сергеевичу Хрущеву! (Бурные аплодисменты). Я бы сказал Вам, дорогой Никита Сергеевич, и более теплые слова, но личная дружба с Вами, мое высокое уважение к Вам, понимаете ли, как-то стесняют меня (смех, бурные аплодисменты), в данном случае служат явной помехой. А потом, Вы ведь знаете, что мужская, дружеская любовь всегда немного молчалива. (Смех. Бурные аплодисменты).

Как подумаешь, что преодолела, что свершила наша могучая партия и что еще предстоит ей свершить, честное слово, даже комком подкатывается к горлу: до чего же все-таки здорово! (Бурные аплодисменты). И если по советски говорить, то иной раз нет-нет да и возгордишься вихоромлю своей партией, своим советским народом и с невольным восторгом и грубоватой ласковостью, употребляемой в обращении с близкими, скажешь про себя: «Ну, и талантливы же вы, милые мои люди! Ну, и сильны же, черт! Во всех отношениях сильные!» (Бурные аплодисменты. Смех).

Все мы знаем, что круглую высоту по пути к коммунизму уготовано взять нам историй. Отлично знаем и то, что временами и тяжело будет в дороге, и трудно, и не раз пересохнет во рту от напряжения. Но зато, какие невиданные доселе горизонты открываются с вершины этой высоты и из какого живительного и врачующего источника придется испытать уставам, но, как всегда, бойрым путникам! (Бурные аплодисменты).

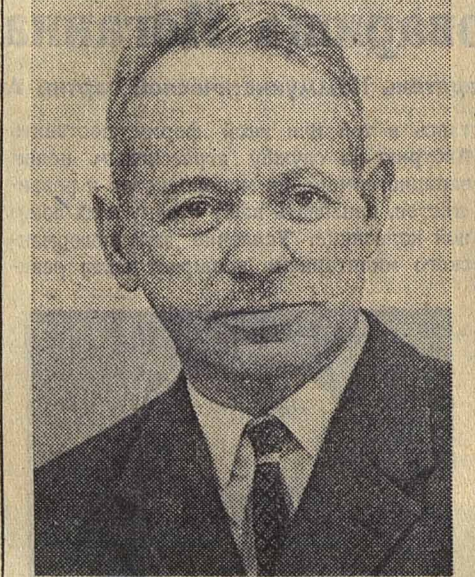
А что касается нелегкого пути, то он не только труден, но и почетен и велик по своему подлинно мировому значению, как велика цель, к которой идем. Но ведь великому народу — и великий путь, как большому кораблю — большое плавание! (Продолжительные аплодисменты).

И никакие невзгоды и трудности не усташат наших мужественных людей, ведомых бесстрашной и мудрой партией коммунистов. Мы придем к коммунизму, несмотря ни на какие происки врагов, вопреки тоскливому нытью маловеров. Порукой этому то, что дорогу в будущее про-

кладывает десятилетиями коммунистический авангард нашего великого народа! (Бурные аплодисменты).

Что египетские пирамиды, что другие памятники старины — жалкие потуги людей прошлого оставить о себе память в истории человечества! Все это — прах и тлен, все со временем исчезнет. А вот те, кто построит на земле коммунизм, тем самым воистину создадут нерушимый памятник, не поддающийся ни времени, ни силам природы, такой же вечный в веках, как и священное для нас имя Ленина. (Бурные аплодисменты). И при жизни слава всем строителям коммунистического общества! Слава и тем зарубежным братьям, друзьям и товарищам, которые делом и словом, не колеблясь и не кривя душой, помогают

нам, идущим впереди и вперед смотрящим! (Бурные аплодисменты).

Когда думаешь о партии, о друзьях и товарищах по партии, невольно приходят на память слова Гоголя. Помните, в повести «Тарас Бульба» старый Тарас перед боем под городом Дубно так говорит, обращаясь к запорожцам: «Нет уж святое товарищество! Отец любит свое дитя, мать любит свое дитя, дитя любит отца и мать. Но это не то, братцы: любит и зверь свое дитя. Но породниться родством по душе, а не по крови, может один только человек».

Ей-богу же, хорошие слова! (Бурные аплодисменты). Нас, коммунистов, породнила идея Маркса — Энгельса — Ленина, идея, за которую не на жизнь, а на смерть борется Коммунистическая партия, и для нас нет святее из этого партийного товарищества! Мы тоже любим и детей наших, и жен, но, как сказал Тарас, «Это не то, братцы». (Смех. Бурные аплодисменты). И пусть на нас не обижаться ни дети наши, ни жены. Ничего не поделаешь, придется им просто примириться с этим обстоятельством, только и всего. Но вот тут-то и получается у меня замечание... Ясное дело, в первую очередь обидятся наши жены за то, что узы партийного товарищества для нас святее, нежели узы, соеди-

няющие с ними. Наверное, я допустил некоторую опрометчивость, а возможно, даже и оплошность, произвольно упомянув про жен. Ведь у Тараса-то про них ничего не сказано. (Смех. Бурные аплодисменты). И теперь мне, как раскопавшему эту цитату из бессмертного творения Гоголя, очевидно, придется сегодня принять на себя семейный удар. (Смех. Бурные аплодисменты). Но, однако, я не робею.

Н. С. Хрущев. Михаил Александрович, если Ваша жена, Мария Петровна, позволит, то я согласен поддержать Вас, чтобы смягчить, так сказать, саморгизировать удар, если с ее стороны он все-таки будет направлен против Вас. (Аплодисменты).

М. А. Шолохов. Спасибо. Однако я не робею потому, что крепко верю в ваше высокое сочувствие, дорогие женатые братья и товарищи (смех, бурные аплодисменты), и — воодушевленный им — готов на все самые тяжкие испытания, предстоящие мне возле семейного очага. Только не забудьте нынче помянуть меня добрым словом, а больше мне ничего не надо! (Смех. Бурные аплодисменты).

Но по-разному понимаем чувство товарищества мы и капиталисты. Живой иллюстрацией этому служит рассказ американского писателя О'Генри, которые мы выбираем». Сюжет рассказа несложен: три бандита грабят почтовый вагон американского экспресса. Одного из них проводник вагона убивает, двое с награбленными долларами спасаются бегством. В пути у одного из оставшихся в живых падает лошадь, сломавшая во время бешеной скачки переднюю ногу. На двух всадников остается одна лошадь по кличке «Боливар». Эта сильная лошадь могла бы увести на себе двоих, но владелец ее, с примечательным прозвищем Акула Додсон, решает по-своему: «Боливар» двоих не снесет», — спокойно говорит он и столь же спокойно разряжает в товарища револьвер.

Разбогатов на награбленном, Акула Додсон становится почтенным буржуа и открывает мажорскую контору. Когда его друг, тоже финансовому воротиле, в результате какой-то аферы грозит крах, — Додсон так же спокойно, как некогда уступал друга, разоряет и этого приятеля, повторяя уже знакомую нам фразу: «Боливар» двоих не снесет».

Вот он, волчий закон бандитского, то есть капиталистического, товарищества. (Аплодисменты).

Впрочем, в нашем понимании это ведь одно и то же: тут никак не проведешь разграничительной линии и не поймешь, где кончается бандитизм и начинается капитализм. (Аплодисменты). И бандитское и капиталистическое товарищество — попросту два сямских близнеца, достаточно откровенных по внешности и интуитивно здорового человеческого обществу. (Аплодисменты).

Выступавшие на съезде много говорили о фракционерах, о тех, кто беззастенчиво поправ святы узы партийного товарищества. Теперь на съезде нам стали известны новые подробности их преступной деятельности. И сам собою возникает вопрос: до каких же пор мы будем стоять в пар-

тийных рядах рука об руку с теми, кто причинил партии так много непоправимого зла? Не слишком ли мы терпимы к тем, на чьей совести тысячи погибших верных сынов Родины и партии, тысячи загубленных жизней их близких?

Съезд — верховный орган партии, — пусть он вынесет в отношении фракционеров и отщепенцев свое суровое, но справедливое решение. (Аплодисменты).

И чтобы закончить неприятный разговор о неприятных людях, разрешите мне в заключение привести еще одну выдержку из речи Тараса Бульбы, из той же речи, где он говорил о товариществе.

Оказывается, старый Тарас тоже в свое время боролся с фракционерами, а тогдашнему с отступниками. И вот что он говорил:

«Но у последнего подлюки, каков он ни есть, хоть весь извалялся он в саже и в поклонничестве, есть и у того, братцы, крупица русского чувства. И проснется оно когда-нибудь, и ударится он, горемычный, об полы руками, схватит себя за голову, проклявши громко подлую жизнь свою, готовый муками искупить позорное дело».

Но ведь это говорилось об отступниках-запорожцах, а вот хватил ли мужества у нынешних отступников «громко проклясть подлую жизнь свою», хватил ли у них решимости «муками искупить позорное дело»? Что-то не очень верится в это: не такие они люди. Как говорится, «Федот, да не тот». Впрочем, будущее покажет.

Можно предвидеть, что буржуазная печать поднимет вой: вот, дескать, каковы писатели-коммунисты, вместо того, чтобы проявлять обязательный по духу их профессии гуманизм, они зывают об отщепенцах. Что-нибудь в этом роде будет написано всегда готовыми к услугам буржуазными борзописцами. На это могу заранее ответить в адрес продажных писак: «Успокойтесь, господа нехорошие, никто не помышляет о мести, никто не жаждет отравленной интригами крови фракционеров, но отвечать за содеянные преступления против народа и партии они должны и будут. Таков общечеловеческий закон». (Аплодисменты).

Гуманизм, как и товарищество, мы и капиталисты или люди их мировоззрения тоже понимаем по-разному: мы, подобно врачу, удаляем гнилой зуб, мешающий здоровью, сильному организму, и тем самым совершаем акт человечности, а для сопоставления разрешите привести другой пример «человечности»: в Италии, в окрестностях Рима, проездом я видел роскошное здание. Там помещается санаторий для кошек. Разумеется, не для тех худых и облезлых кошек, с которыми играет голландная, истощенная вечным недоением двора столичных окраин, дети итальянских низкооплачиваемых рабочих и безработных, а для кошек итальянских и иных миллионеров и миллионеш.

Там этих больных от ожирения и безделья кошек лечат опытные врачи: холят, купают, причесывают и опрыскивают духами квалифицированные санитарки, кормят этих проклятых больных изысканными кушаньями, водят на прогулки и убаюкают всецелью предупредительные няни. А рядом, на помойках, роются голодные деткишки и смотрят на тебя ввалившимися глазами с недетской тяжелой тоской. Это — тоже гуманизм? А на нашем языке это называется нязностью самых растений души! И пусть господа капиталисты выбросят из своего лексикона высокие слово гуманизм, оно существует не для зверей в человеческом облике!

Мне — писателю по профессии — надо бы говорить о литературе, но я, как и все вы, прежде всего коммунист, а потом уже — писатель, потому и начал с того, что больше волнует (бурные аплодисменты), хотя отлично помню о том, что литература — тоже часть общепартийного дела. Одним словом, прошу извинить меня за длинное предисловие и перехожу к вопросам литературы.

Мне мало что остается добавить к тому, о чем говорила в своем выступлении тов. Фурцева. Она, так сказать, предвосхитила мое выступление, но все же кое на чем считаю необходимым остановиться. Прежде всего хочу сказать, что мы давно мечтали о министре типа товарища Фурцевой. И такого министра мы, наконец-то, получили. (Аплодисменты). Всем взяла наша дорогая Екатерина Алексеевна: и дело свое отлично поставила, потому что знает и любит его, и внешностью обязательна (аплодисменты), и в обхождении с деятелями культуры то же самое обязательна. А встречаться и беседовать, да еще руководить деятельностью деятелей культуры и особенно искусства, — дело далеко не легкое потому, что все это люди тончайших эмоций, а попросту говоря, набалованные и капризные люди. (Аплодисменты). Одному не так улыбеешься, с другим не так поздороваяешься, на третьего не так взглянешь — вот тебе и обиды, да не просто обиды, а кровная! Все же справляется наш министр со всеми этими делами, и справляется, как видите, неплохо. А тут еще все новые таланты у нее открываются, ну, мы и диву даемся и руками разводим от удовольствия и изумления. Сейчас я об этом скажу. Когда наш министр говорила о количестве киностановок в стране, о количестве новых самостоятельных коллективов, все у нее шло без сучка и задоринки, а как только заговорила о драматургии, тут-то и проявились ее недюжинные дипломатические дарования. Смотрите, какой великолепный ход конем она сделала, прибегнув к способу дипломатического умолчания.

Я не министр и начисто лишен дипломатических способностей, а потому мне и хочется запросить, без умолчанй поговорить с Екатериной Алексеевной. Ну, хорошо. Вы сказали, что из 1.114 советских пьес, поставленных в театрах страны, 780 посвящены современной теме. Вы и про-

центы подсчитали, мол, более 70 процентов. Вот мне и хочется спросить: а сколько процентов из этих семидесяти процентов останется на театральных подмостках? Оставим, пожалуй, проценты в покое и перейдем к абсолютным цифрам. Дай бог, чтобы из 780 осталось десять два—три, а то и меньше. (Аплодисменты). И второй вопрос: а сколько из этих двух—трех десятков пьес запомнятся зрителям? Я уже не говорю выспренных слов о том, что, дескать, остаются на душе неизгладимый след, а просто, сколько запомнятся и полюбят зрителя задуматься? И того меньше! За творческое бессилие драматургов приходится расплачиваться бедным зрителям. Вот в чем вся беда!

Лукавая вещь цифры и проценты, тов. Фурцева, того и гляди подведут. (Аплодисменты). Лучше уж им, этим цифрам, жить где-нибудь в ЦСУ, там им будет уютнее, нежели в искусстве. (Смех. Аплодисменты).

Примерно то же самое творится и в прозе. Появляется очень много книг, вскоре идущих, так сказать, в «переплаву». Причина? Она известна всем вам. Совершается закономерный разрыв: низкое качество продукции и высокая требовательность читателя. Но не так уж обстоит все мрачно на литературном фронте, как может показаться на первый и поверхностный взгляд. Происходит мало заметное для читателя, но очень отрадное явление: целая плеяда молодых и подлинно талантливых писателей, ранее известных по рассказам в периодической печати, становятся зрелыми и очень обещающими мастерами слова. Это характерно не только для русской, но и для всех национальных литератур. Я не стану перечислять фамилий, они достаточно известны читателям, но хочу сказать вот о чем: этим писателям надо всячески помочь, чтобы у них была возможность поработать года два—три, не думая о завтрашнем дне, не отрываясь от работы над большими полотнами, которые у многих давно задуманы и для которых этими писателями уже заготовлен настоящий, со знанием дела, материал.

Количество таких писателей значительно умножится, если мы поможем не только столичным писателям, но и провинциальным, которых насчитывается по Союзу писателей весьма значительное число. Это все народ, крепко знающий жизнь, много поездивший на своем веку и много повидавший, а главное — талантливый народ, но, к сожалению, лишенный ныне возможности засесть без отрыва за создание крупных не только по объему произведений. Вот на кого надо делать ставку! Во всяком случае, большинство из них не подведет, а это — уже много.

Выходят хорошие книги за последнее время, но их до обидного мало, можно бы выдавать больше, и от этого становится грустно, прежде всего, конечно, нам, а не вам, товарищи делегаты и читатели.

Одной из главных причин отставания от жизни нашей литературы и одной из главных причин появления посредственных произведений я по-прежнему считаю укоровившийся отрыв от этой жизни в писательской среде, поверхностные знания стремительно текущей и постоянно меняющейся своей действительности.

Тов. Фурцева привела в своем выступлении поистине страшные цифры. Подумать только, из 2.700 писателей РСФСР 1.700 — постоянные жители только двух городов — Москвы и Ленинграда. А если к этому добавить постоянно живущих в Воронеже, Ростове, Свердловске и других областных городах, то что же остается для сельской местности?

Писатель, пишущий о колхозниках или людях совхоза, по-моему, должен обладать знаниями в области сельского хозяйства не ниже уровня хотя бы участкового агронома. (Бурные аплодисменты). Тот, кто пишет о металлургическом заводе, о заводских рабочих, инженерах и техниках, обязан знать производство по крайней мере не хуже рабочего высокой квалификации. Посвятивший свой труд нашей армии всенепременно должен знать военное дело не хуже Куприна и Льва Толстого, иначе появление «равесистой» кляквы и дешевки обеспечено. (Аплодисменты). А зачастую именно так и бывает. Что касается любви и любовных переживаний героя либо героини, то об этом можно писать всюду, дело ясное и не требующее специальных познаний. (Смех. Бурные аплодисменты).

Наш министр с этойкой чисто женской вежливостью говорила о том, что, дескать, неплохо было бы обратиться к молодым художникам с призывом поехать по примеру нашей настоящей молодежи на стройки коммунизма. А вы спросите ее, что она сама-то верит в то, что на такой призыв горячо откликнутся? Ей-ей, не верит! (Аплодисменты). Кто-то из призываемых поедет на неделю поветриться, подышать озоном, а потом соскучится по теплой убоины, по другим благам городской жизни (смех, бурные аплодисменты) и снова мигом очутится в Москве. (Аплодисменты).

Молодым творцам «непреодолимых ценностей», тем, которые живут в провинции, не запрещать въезд ни в Москву, ни в другие крупные центры. Они слышат, с каким триумфом проходят в Москве литературные вечера наших нынешних молодых, будуарных поэтов, непременно с конным нарядом милиции и с истерическими криками молодых стилизанных клуш. Им тоже хочется покрасоваться перед нетребовательными девицами в неважно узнатых штанишках и в неоправданно широконопких шортуках. (Общий смех. Аплодисменты). Им тоже хочется вкусить от плодов славы. Вот они и прут в Москву, как правдоверные в Межку. (Смех. Аплодисменты). И никакими уговорами и карантинами их не удержишь. Как говорится: «идут и едут, ползут и

лезут», а своей цели достигают. (Смех. Аплодисменты).

Что, допустим, Федину, Леонову, Мамину Рильскому или мне от того, что какая-нибудь молодка бросит на ходу: «Посмотри, душка, это идет такой-то!». Для нас это — уже «не тот наразан», как говорят старые пенсионеры. (Общий хохот. Аплодисменты). А молодому это лестно, ты морщишься от бесцеремонного упоминания твоего имени, а иной молодой таит. К этому можно относиться безнисходительности, но понимать младость все-таки надо.

Многие из вас, наверное, видели в прошлом, как крестьяне подсекали на грохоте, этаком большим подвесном решете, зерно, очищали его перед севом. Мякина, пыль, охвостье летит по ветру, а полное зерно остается. Так будет и в литературе: зерно останется, мякина улетит. Сама жизнь возвращает литературный грохот, и произойдет необходимый процесс очищения.

Так, на мой взгляд, обстоит дело с молодыми. С позитивными писателями — тоже не лучше. Ну, куда его, городского жителя, на старости лет звать на страшную для него периферию? Да и зачем он там нужен, и кому? (Смех. Аплодисменты). Лично я давно уже отказался от мысли передвинуть писателя поближе к тем, о ком они пишут. Безнадежное дело! И пусть на этом благородном поприще наживает шишки тов. Фурцева, а с меня хватит! (Хохот. Аплодисменты).

Здесь, на съезде, была выражена надежда, что мы, писатели и деятели искусства, будем и впредь добрыми и умными советчиками советского народа. Однако трудно быть советчиком тому, кто сам не знает жизни. Тут можно насобирать такого, что и сам черт не разберется. Да и на самом деле, как может писатель — типичный горожанин, вышедший деревню по-настоящему 30—40 лет назад и давно утративший с землей всякую связь, а иной и вовсе не имевший такой связи, — что-либо посоветовать в производственном вопросе, скажем, опытному председателю колхоза или директору совхоза, которые в своем деле, что называется, собаку съели? Ну, а насчет морально-этических проблем некоторые из этих, с виду скромных ребят могут и вовсе кое-кого из писателей, что называется, «и разуть и раздеть». Такому писателю, который не различит всходы яровой пшеницы от озимой, а овес путает с ячменем, лучше не выступать в роли непрошеного советчика, а всячески стараться унести ноги подобру-поздорову от тех, кому он вздумает по неразумию своему советовать.

Сам понимаю, что выступление мое носит несколько мрачноватый характер, но ничего с собой не могу поделать: одолела какая-то проклятая жадность — все хочется, чтобы добрых книг было побольше, а их мало. Вот и злишься и на себя и на других, да толку от этого мало. Такие вопросы надо решать прежде всего коллективно и без особой торопливости.

Спешка в таком деле едва ли будет верным помощником. А тут еще одна беда — ведь беда, как известно, не ходит в одиночку. В очень хорошей, содержательной речи секретаря ЦК Коммунистической партии Украины тов. Подгорный упустил, на мой взгляд, одну весьма выгодную возможность: что бы ему упомянуть о том, что писателей-украинцев выбирали делегатами ведь не только во граде Киеве. Ну, и сказал бы, что так, мол, и так, дорогие товарищи писатели, выбрали вас делегатами на съезд КПСС в областных центрах Украины и переберайтесь туда потихоньку и живите себе на здоровье (смех, аплодисменты), и пишите о тех тружениках областей, где вас выбрали: на Полтавщине — так о полтавчанках, в Чернигове — так о черниговцах. А вот не сказал он этого. И снова писатели возвратятся в столичный град Киев, и снова все пойдет по-старому. То же самое можно сказать и в отношении секретарей других областей, где писатели водятся в изобилии. Надо бы и им писателей пригласить, как говорят украинцы, пригласить к себе в далекие не тихие провинциальные города и села и отнюдь не на мирное, а на боевое житье, на глубокое, проникновенное познание жизни и на подлинно творческий труд. Думається все же, что это дело правильное.

Но что бы то ни было, а наша литература является передовой и не только по идейному содержанию. Крепнут наши связи с зарубежными издательствами. Книжки наших писателей издывают повсюду за границей. Они читаются, увлекают скорее содержанием, а не формой, потому что очень велик интерес в зарубежных странах к нашей жизни, к нашей нынешней действительности.

Но к зарубежным критикам у нас, советских писателей, пожалуй, больше претензий, чем к своим. Если наши критики в большинстве своем не знают жизни, то иностранные не только не знают, но и плохо ее осмысливают. Зачастую у них как возникает совершенно необоснованные претензии. Они утверждают, что пишем мы предвзято. А как бы им хотелось? Допустим, я пишу о нашем солдате, о человеке бесконечно родном мне и близкому. Как же я напишу о нем худо? Он мой, весь мой, от пилотки до портянок, и я стараюсь не замечать, допустим, рубинок на его лице или некоторых изъянов в его характере. (Бурные аплодисменты).

А если и замечу, то уж постараюсь написать так, чтобы читатель тоже полюбил его вместе и с этими милыми рубинками и с небольшими изъянами в характере. (Аплодисменты).

(Окончание на 8-й стр.)

Окончание речи товарища М. А. ШОЛОХОВА

женщины становятся вдруг для тебя дорожкой любого безупречно чистого, атласной свежести лица; и что иногда усталые морщинки в уголках глаз любимой женщины для тебя желаннее белозубой и бездумной улыбки молодой хохотуни. А бывает и так, что невзрачная с виду женщина поведет за собой такого парня, что глянешь и закачаешься. (Смех. Аплодисменты). Всяко бывает в жизни, и все вы это знаете не хуже меня. (Смех в зале). Так как же может писатель, если он не «холодный сапожник», с равнодушным безразличием писать о людях, которых любит?

Говорят, что Чехову принадлежит фраза о писательском творчестве: «Когда сadiшь писать, будь холоден, как лед». Неправда! Не может быть художник холодным, когда он творит! С рыбой кровью и лежачим от ожирения сердцем написать стоящего произведения не создашь и никогда не найдешь путей к сердцу читателя.

Я за то, чтобы у писателя kloкотала горячая кровь, когда он пишет, я за то, чтобы лицо его белело от сдерживаемой ненависти к врагу, когда он пишет о нем, и чтобы писатель смеялся и плакал вместе с героем, которого он любит и который ему дорог. (Аплодисменты).

Н. С. Хрущев. Правильно.

М. А. Шолохов. Только при этих условиях будет создано настоящее произведение подлинного искусства, а не подделка под него.

Но это уже творческая лаборатория, или попросту кухня, пожалуй, не интересная для вас. Я перехожу к задачам советской литературы, на которых хочу кратко остановиться.

Нам предстоит за многое бороться и, как мне кажется, прежде всего за влияние на нашу молодежь. Отличная у нас молодежь. Страна многим обязана ее молодому энтузиазму, ее героическому труду. Но очень незначительная часть молодежи мятется духом, ищет романтики в наших героических буднях и не находит ее. А она под руками, стоит только протянуть их и внимательнее присмотреться к жизни. Мы обязаны увести эту молодежь от чуждых влияний и приобщить к труду и подвигу в наше нелегкое время.

И не только эта проблема стоит перед писателями сегодня и будет стоять завтра. Советская семья, моральный облик нового человека, титанический труд нашего народа — все это требует воплощения в художественные образы, все это повелительно требует от нас создания пол-

ноценных больших произведений. Мы, люди искусства, все это хорошо понимаем и сознаем всю тяжесть лежащей на нас ответственности перед народом и партией.

В заключение мне хочется сказать: среди присутствующих много делегатов, которых ласково называют «маяками». Хорошее это слово, емкое. Я попрошу тех, кто светит своим трудом, не забывать о том, что светят они не только людям своей профессии или специальности. «Маяки» науки, техники, промышленности, сельского хозяйства светят и нам, людям искусства. И мы взираем на них не без некоторой зависти, потому что в своем творчестве еще не достигли того, чего достигли они. Но свет их огня падает и на нас и согревает нас, и, пожалуй, просвечивает в сумеречные часы.

Большое, душевное спасибо тем, кто светит! (Бурные, продолжительные аплодисменты).

Такое же спасибо и тем, кто аккумулирует энергию носителей света, спасибо за теплую заботу о нас, которую мы, может быть, не в полной мере заслужили, но я твердо верую в то, что еще заслужим! (Бурные, продолжительные аплодисменты).